

Лин Чэ слегка неестественно поджал губы, а затем произнес:

— Тренировки — это основа, закладываемая с детства. В твоём возрасте начинать учиться, боюсь, уже поздно.

— О. Значит, хотели меня проверить. Это воля императора?

Фан Ляочжи, взглянув на выражение лица Лин Чэ, сразу всё понял, и на его губах появилась улыбка.

Лин Чэ фыркнул:

— С таким, как ты, идти к императору и говорить, что можешь быть телохранителем? Знаешь ли ты, какое это преступление — обмануть государя?

— Император назначил меня телохранителем? Буду ли я служить при дворе?

В глазах Фан Ляочжи вспыхнула надежда.

— Хорошо придумал. Императору-то может быть и всё равно, но я-то не уверен.

Лин Чэ раздраженно посмотрел на него.

— Боевых навыков у меня нет, зато есть один уникальный прием. Чтобы защитить императора, этого достаточно.

Фан Ляочжи приблизился к уху Лин Чэ.

Лин Чэ, видимо, был поражен этими словами, уставившись на собеседника.

Фан Ляочжи улыбнулся:

— Этот прием убивает с одного удара. Показать не могу, просто поверь.

Лин Чэ, глядя на его выражение лица, понял, что он не шутит, и, вспомнив, как тот не раз оставался наедине с императором, почувствовал холодный пот на спине. Не сдержавшись, он схватил Фан Ляочжи за горло:

— Что за прием?

Фан Ляочжи, зажатый в его руке, не мог говорить, лишь издавал хриплые звуки. Когда Лин Чэ наконец отпустил его, Фан Ляочжи долго кашлял, прежде чем прийти в себя, и с гневом посмотрел на него:

— Я тебе не скажу. Убей, если есть сила.

Лин Чэ, не зная, что делать с этим человеком, приказал своим подчиненным обучить его хотя бы основам. На случай, если император действительно сойдет с ума и назначит его служить при дворе, кто знает, кто кого будет защищать, учитывая его хрупкий вид.

— Уникальный прием...

Чжао Жунцзюэ, выслушав доклад Лин Чэ, усмехнулся.

— С завтрашнего дня пусть приступает к службе.

Лин Чэ подумал: «Так и есть! То, чего я боялся, все-таки произошло».

Но он знал, что приказ Жунцзюэ не изменится, и, получив указание, отправился составлять график дежурств. Каждый раз, когда Фан Ляочжи сопровождал императора, Лин Чэ обязательно лично следовал за ними.

В резиденции Седьмого принца у Жунцзюэ было два личных телохранителя. Один — Лин Чэ, начальник охраны резиденции наследного принца. Другой — Ци Нин, без официальной должности, но всегда неотступно следующий за Жунцзюэ. Оба были высокими и красивыми, особенно Ци Нин, с его безупречным лицом, прямым носом и мужественными бровями. Если бы не его крепкое телосложение, его можно было бы принять за знаменитого юношу из публичного дома.

Эти двое были полной противоположностью друг другу. Лин Чэ происходил из семьи мастеров боевых искусств, его техника была классической и изящной, даже без использования внутренней энергии. Лин Чэ не любил мечи, предпочитая рукопашный бой с коротким ножом, что уже делало его чрезвычайно опасным. Ци Нин же, хотя и был из военной семьи, с детства увлекался странными техниками Ордена Цимень, и его отец не мог удержать его от блужданий по свету. Его прежний хозяин, Жун Мянь, тоже позволял ему общаться с людьми из мира боевых искусств, закрывая глаза на его выходы.

Когда Ци Нин оказался рядом с Жунцзюэ, он часто подшучивал над серьезным Лин Чэ, то и дело запуская в него скрытое оружие. Если бы не мастерство Лин Чэ, он бы, наверное, умирал раз восемьсот в год. Сначала Жунцзюэ ругал его, но позже, видя, что Лин Чэ не получает травм, перестал обращать внимание. Это доставляло Лин Чэ немало хлопот: даже в нерабочее время он не мог расслабиться, постоянно опасаясь, что откуда-то вылетит отравленная игла или скрытый клинок.

В тот день Лин Чэ подвергся трем нападениям за утро и, наконец, не выдержав, метнул тонкий нож в Ци Нина. Нож пролетел так близко, что срезал два волоса с его уха и вонзился в дерево позади него. Ци Нин не испугался, а наоборот, захолопал в ладоши:

— Отличный бросок! Я бросаю в тебя, ты в меня — вот это веселье!

Лин Чэ промолчал, подумав: «Я из знаменитой школы, кто, черт возьми, будет играть с тобой в скрытое оружие?!»

Ци Нин, увидев его взгляд, сказал:

— Я просто помогаю тебе тренироваться, чтобы ты мог защитить Его Высочество от нападений.

Жунцзюэ, услышав это, покачал головой, подумав: «Этот хулиган, издевается над людьми, прикрываясь моим именем».

— Ци Нин, сразись с Лин Чэ. Если выиграешь, можешь продолжать свои шалости, если проиграешь — больше не нападай на него.

Жунцзюэ произнес это серьезно.

— А?

Ци Нин высунул язык.

— Его учитель — великий мастер, патриарх школы Лу. Как я могу с ним сражаться?

Ци Нин знал, что его мастерство уступает Лин Чэ, и не хотел искать неприятностей.

— Если не сможешь победить, больше не нападай на него.

Жунцзюэ был непреклонен.

— Ох. Неинтересно.

Ци Нин опустил голову.

Лин Чэ вздохнул с облегчением.

— Жун-эр, ты очень добр к Лин Чэ.

После близости Ци Нин, лежа на груди Жунцзюэ, пробормотал это.

— Он постиг боевое искусство ради моей защиты, и ему можно доверять. В десятилетнем возрасте отец-император приставил его ко мне. Тем, кого отец послал оберегать меня, ты можешь подшучивать, но не должен проявлять неуважение.

— А. Его Величество очень добр к Вам, Ваше Высочество. Лин Чэ — мастер из знаменитой школы, даже в мире боевых искусств он один из лучших. В резиденции Пятого принца нет таких людей.

Ци Нин кивнул, о чем-то задумавшись.

Жунцзюэ, играя прядью его волос, сказал:

— Пятый брат с детства был степенным, и отец доверял ему, а я был непослушным, поэтому отец часто меня наказывал.

Ци Нин улыбнулся, но промолчал.

В императорском кабинете Фан Ляочжи и Лин Чэ стояли по обе стороны.

— Фан Ляочжи, поддержи это.

Жунцзюэ указал на высокую стопку докладов на столе.

— Слушаюсь.

Фан Ляочжи глубоко вздохнул, понимая, что снова пришло его время страдать.

Став на колени у стола, он поднял руки, и император приказал Лин Чэ сложить на них сотню докладов. Десять за десятью, вес в руках Фан Ляочжи увеличивался, и в конце доклады уже возвышались на три чи над его головой. Лин Чэ пришлось быть очень осторожным, чтобы не допустить ошибки.

Жунцзюэ неспешно начал просматривать доклады, а Цзю-эр рядом растирал чернила. Прошло время, достаточное для сгорания одной палочки благовоний, а в руках Фан Ляочжи осталось

только два доклада, и его руки уже начали неметь.

— Держи крепче. Сколько докладов упадет — столько ударов палкой получишь.

Император произнес это легко, и Фан Ляочжи мог только стиснуть зубы и продолжать держать стопку.

Лин Чэ, услышав это, вздрогнул. Хотя он и не сочувствовал Фан Ляочжи, его хозяин с детства был добрым и никогда не наказывал людей так жестоко. Он не мог не вздохнуть, подумав: «Ци Нин действительно полностью изменил характер хозяина».

После просмотра десяти докладов руки Фан Ляочжи начали дрожать.

— Аккуратнее. Разве у тебя совсем нет сил? Сто ударов палкой, и ты не выживешь.

Император взял одиннадцатый доклад, уголок губ его изогнулся в игривой улыбке.

Фан Ляочжи, казалось, действительно вложил все свои силы в руки, на лбу выступил мелкий пот.

— Тебе повезло, эти десять докладов все об одном и том же.

Император начал просматривать доклады быстрее, и Фан Ляочжи стиснул зубы, чтобы выдержать.

— После восшествия на престол Ваше Величество должно расширить гарем и продолжить род.

Жунцзюэ швырнул доклад на стол.

— Как много чиновников заботится о моем гареме. Лин Чэ, узнай, кто за этим стоит.

Чжао Жунцзюэ просмотрел десятки докладов, призывающих его расширить гарем, и был полон гнева, но для Фан Ляочжи, стоящего на коленях, это было спасением. Доклады в его руках уменьшились, и его лицо уже выглядывало из-под стопки. Хотя его руки дрожали, по крайней мере, теперь его жизнь, казалось, была в безопасности.

Однако удача длилась недолго. Император, видимо, устал и начал пить чай, небрежно просматривая доклады. Цзю-эр осторожно обслуживал его, то добавляя чай, то растирая чернила. Впервые за время службы он почувствовал гнев императора и теперь не смел допустить ни малейшей ошибки.

Жунцзюэ зевнул, потирая глаза, и Цзю-эр подошел, чтобы массировать его виски.

— Я хочу немного поспать.

Император, прищурившись, посмотрел на человека, стоявшего на коленях, и произнес это с крайней ленью.

— Ваше Величество устало, отдохните, я выдержу.

Фан Ляочжи изо всех сил старался сдержать дрожь в руках и, подняв голову, с трудом улыбнулся Жунцзюэ.

Жунцзюэ фыркнул, закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, а Цзю-эр зажег благовония

для сна.

Для Фан Ляочжи время, пока император дремал, казалось вечностью, его руки были на грани судорог. Лин Чэ, глядя на него, вздохнул. Этот человек с момента их знакомства подвергался мучениям, и теперь, когда он стал его подчиненным, Лин Чэ почувствовал к нему жалость. Пока император спал, он незаметно подошел к Фан Ляочжи и передал ему немного внутренней энергии. Фан Ляочжи сразу почувствовал облегчение и впервые с благодарностью посмотрел на Лин Чэ. Цзю-эр, увидев это, опустил голову и промолчал.

<http://bllate.org/book/16817/1564652>